

УДК 811.161.1'367.09

Салимова Фатима Гусейн гызы

Изучение сложного синтаксического целого на материале эпосов "Песнь о Нибелунгах" и "Книга моего деда Коркута"

Текст складається, якщо він матиме дві ознаки – структурний зв'язок і змістову цілісність, які нерозриво пов'язані і накладаються одна на одну. При дослідженні структури тексту спостерігаємо, як загальні поняття підхоплюються більш частковими або ж проходять процес переходу від часткового до цілісного і навпаки. Більше того, в тексті відтворюється та частина спільної картини світу, яка потрапляє в поле зору дослідника. У цьому випадку неоціненними виявилися тексти "Пісня про Нібелунгів" та "Книга мого діда Коркута".

Ключові слова: текст, засоби зв'язку, складне синтаксичне ціле, конкретне, абстрактне.

Текст состоится, если он обладает двумя признаками – структурной связностью и содержательной цельностью, которые неразрывно связаны и накладываются друг на друга. При исследовании структуры текста наблюдается, как общее понятие подхватывается понятием более частным или переходит от части к целому и, наоборот, от целого к части. Более того, в тексте воспроизводится та часть общей "картины мира", которая попадает в поле зрения исследователя. В этом смысле неоценимыми оказываются тексты "Песнь о Нибелунгах" и "Книга моего деда Коркута".

Ключевые слова: текст, средства связи, сложное синтаксическое целое, конкретный, абстрактный.

The text consists of structure coherence and substantial integrity which inextricably linked and overlap each other. During the text structure research we see how general concept passes from one part to the whole and vice versa. The text reproduces that part of the overall "picture of the world", which falls in the field of view of the researcher. In this sense texts "The Song of the Nibelungs" and "The Book of My Grandfather Corkuta" are invaluable.

Key words: the text, means of the links, complex syntactic integer, specific, abstract.

Как видно из названия, объектом исследования являются тексты "Песни" и "Книги", которые прошли длительный процесс последовательной творческой переработки в многовековой устно-поэтической передаче, а впоследствии были записаны в той форме, в которой они дошли до нас (письменная фиксация "Книги" датируется серединой XI в., "Песни" – началом XIII–XVI вв.).

В предлагаемой статье мы попытаемся провести параллель между этими двумя героическими эпосами двух совершенно разных народов. Сходства и различия между ними не ограничиваются только внешними факторами. Они имеют гораздо более глубокий и всесторонний характер.

Но прежде определимся с самим понятием "текст".

Среди главных характеристик текста называются обычно связность и цельность. Действительно, текст немислим вне этих двух взаимозависимых категорий. Появившиеся в последнее время работы явно демонстрируют поворот лингвистики текста к проблеме композиции. Г. А. Золотова пишет: "И лингвиста, и литературоведа интересует, как построен текст... Нельзя не признать, что и более плодотворными, и более трудными остаются поиски пути к смыслу текста как целого через воплощающие его языковые структуры. Если композиция – это целое, создаваемое соотношением частей, то ключевой задачей становится, прежде всего, выявление этих частей как речевых единиц, организующих целое".

При исследовании структуры текста наблюдается, как общее понятие подхватывается понятием более частным или переходит от части к целому и, наоборот, от целого к части.

Таким образом, изучение структуры сложного синтаксического целого ведется с двух ракурсов:

- **от общего к частному;**

- **от частного к общему.**

Такое рассмотрение не может быть случайным. Каждый из данных ракурсов строится по определенным моделям. Рассмотрим некоторые из моделей.

От абстрактного к конкретному:

1) модель "сон – сюжет":

Mitten in dieser höfischen Pracht hatte Kriemhild einen Traum.

Sie sah, wie sie einen schönen, starken und wilden Falken abrichtete, den ihr plötzlich zwei Adler schlugen und zerfleischten.

И вот Кримхильде знатной однажды сон приснился,

Как будто вольный сокол у ней в дому прижился,

Но был двумя орлами заклеван перед нею (Песнь, строфа 13).

Общая информация данного синтаксического целого – сообщение о сне Кримхильды. Далее следует постепенная конкретизация общей мысли, которая выражена первым компонентом и требует дополнительных пояснений, представленных в последующих. В данном случае автор уточняет, что именно видела во сне Кримхильда. Так мы наблюдаем закон очередности "общее – частное".

Параллельно пронаблюдаем данный закон очередности на примере эпоса "Дед Коркут".

2) модель "агсаккал – функция":

Qorqut ata Oğuz qyvminin müşkilini həll edərdi. Hər nə olsa, Qorqut ataya tanışınca işləməzlərdi. Hər nə ki buyursa, qəbul edərlərdi; sözün tutib təmam edərlərdi...

Коркут-Ата разрешал затруднения народа огузов. Какое бы дело не случалось, не спросив совета у Коркут-Ата, его не решали. Все, что он приказывал, принимали, его слова держались, (по его слову) все исполняли (Книга, 31).

При многокомпонентности сложного синтаксического целого, т.е. когда данное целое состоит из нескольких компонентов, переход от общего к частному проявляется наиболее ярко. Мы замечаем, как постепенно происходит конкретизация общего сообщения, данного в первом предложении.

При исследовании текстов двух эпосов можно обнаружить сложное синтаксическое целое с обратной последовательностью.

От конкретного к абстрактному:

1) модель "описание пира – пир":

Während sie sich den ganzen Tag über vergnügt die Zeit vertrieben, kamen die vielen Fahrenden keinen Augenblick zur Ruhe. Sie arbeiteten gegen Bezahlung, die man hier als großzügig bezeichnen kann. So erwarb sich das gesamte Land Siegmunds ein hohes Lob.

Весь день, до поздней ночи, гуляли храбрецы.

В искусстве состязались бродячие певцы,

А гости награждали их от своих щедрот.

Тот пир прославил Зигмунда и весь его народ (Песнь, строфа 38).

В данном случае начало синтаксического целого разъясняет нам, каким образом пир прославил короля. А конечная часть представляет собой, говоря словами К. Абдуллаева, "конкретизированную информацию, подводящую итог всему предшествующему (разумеется, в пределах сложного синтаксического целого)".

Рассмотрим аналогичный пример и в азербайджанском эпосе.

2) модель "грабеж – горе:"

*Kafer aydır: "Bəglər, Qazanın төlə-tələ şahbaz atlarnı binmişüz, altun-aqçasını yağlamışız, qırq yigidlən oğlu Uruzı tutsaq etmişız. Qatar-qatar dövələrini yetmişız, qırq incə bellü qızlan Qazanın həlalını tutmuşız. **Bu heyfləri biz Qazana etmişız**", – dedi.*

*Говорят гяуры: "Беки, на табуны быстрых коней Казана мы вскочили, его золото и серебро мы разграбили, его сына Уруза и с ним сорок джигитов мы увели в плен; ряды его верблюдов мы угнали; жену Казана и с ней сорок стройных дев мы захватили. **Все это горе мы причинили Казану**" (Книга, 43).*

В данном случае мы опять наблюдаем переход от части к целому. Перечисление информации, которое также придает сложному синтаксическому целому своеобразную монотонную информацию, подхватывается понятием более общим. Последнее предложение – это подытоживание сказанного выше.

Как мы уже отмечали, сверхфразовое единство монотематично. Переход от одной темы к другой есть сигнал границы сверхфразовых единств. Единство темы проявляется в регулярной повторяемости ключевых слов, через синонимизацию ключевых слов, через повторную номинацию. Единство темы обеспечивается тождеством референции, т. е. соотношением слов (имен и их заместителей) с одним и тем же предметом изображения. С единством темы, наконец, связано явление импликации, основанное на ситуативных связях. Наличие одних отображаемых предметов предполагает наличие других, ситуативно связанных с ними. Повторы разных уровней играют важную роль в организации текста и издавна привлекают внимание исследователей. Вот пример того, какова роль ключевых слов в создании смысловой цельности текста:

***Ol** gün cigərində olan әr yigitlәр bәlürdi. **Ol** gün müхәnnәtlәр sapa yer güzәtdi. **Ol** gün bir qiyamәt savaş oldı, meydan tolu baş oldı; başlar kәsildi top kibi. Şahbaz-şahbaz atlar yügürdi, nalı düşdi. Ala-ala köndәrlәр süsәldi. Qara polat uz qılıclar çalındı, yılmağı düşdi. Üç yelәkli qayın oqlar atıldı, dәmrәni düşdi. Qiyamәtin bir günü **ol** gün oldı. Bәg nöкәrindән, nöкәr bәgindән ayrıldı.*

В тот день герои джигиты обнаружили свою доблесть; в тот день трусы высматривали скрытое место; тот день был днем страшной битвы, поле покрылось головами; головы были отрублены как мяч, скакали быстрые кони, их копыта спадали. Пестрыми копьями кололи, черными булатными мячами ударяли.

Березовые стрелы с тремя перьями выпускались; их железный наконечник спадал. Тот день был подобен дню страшного суда; бек был отделен от своего нукера, нукер от своего бека (Книга, 50).

В сущности это развертывание одной темы, темы дня, который напоминает день Страшного суда. А ответ на вопрос, почему он напоминает день Страшного суда, упоминается в начале синтаксического целого. Тема эта помогает передать и другой, глубинный смысл отрывка – силу огузов, их способность ценою жизни отомстить врагу, чтобы постоять за брата своего. Так, ключевые слова (**ol gün**) создали не просто сюжетный фон отрывка, но и нечто большее – глубинный смысл текста.

Таким образом, текст состоится, если он обладает двумя признаками – структурной связностью и содержательной цельностью, которые неразрывно связаны и накладываются друг на друга.

По мнению В. В. Виноградова, учение о тексте – это учение о типах словесного оформления замкнутых в себе произведений как особого рода целостных структур. По существу лингвистика текста зародилась в тот момент, когда исследователи почувствовали необходимость отойти от изучения предложения как формальной языковой единицы и перейти к изучению высказывания как единицы функциональной, соотношенной с ситуацией. В заключение отметим, что лингвистический анализ художественного текста, ориентированный на выявление языкового воплощения содержания произведения, его целевой установки, образного строя, содержательных свойств формальных элементов разных уровней, обнаружение новых функций языковых единиц в художественно-эстетической структуре, имеет чрезвычайную эвристическую ценность, т. к. выполняет главную задачу филологии, понимаемую как искусство чтения и мастерство понимания.

Литература

1. Абдуллаев К. М. Синтаксический параллелизм / К. М. Абдуллаев. – М., 1976.
2. Абдуллаев К. М. Сложное синтаксическое целое как объект семантико-грамматического анализа / К. М. Абдуллаев // Советская тюркология. – 1978. – № 5. – С. 10–19.
3. Абдуллаев К. М. Проблемы синтаксиса простого предложения в азербайджанском языке / К. М. Абдуллаев. – Баку, 1983.
4. Адмони В. Г. Синтаксис современного немецкого языка / В. Г. Адмони. – Л., 1973.

5. Виноградов В. В. Вопросы синтаксиса современного языка / В. В. Виноградов. – М., 1950.
6. Золотова Г. А. К вопросу о конститутивных единицах текста / Г. А. Золотова // Текст и контекст. – М., 1984.
7. Kitabi-Dədə Qorqud. – Bakı, 1988.
8. Книга моего деда Коркута / пер. В. В. Бартольда. – М ; Л. : АН СССР, 1962.
9. Das Nibelungenlied. – Stuttgart : Philipp Reclam jun., 2003.
10. Песнь о нибелунгах / пер. Ю. Б. Корнеева. – Л., 1972.